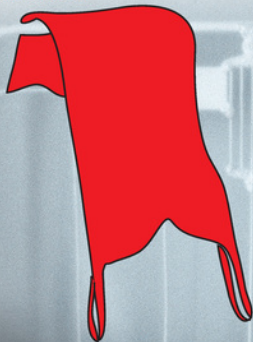

пояс неверности

наталья | александр
апрелева | егоров

— Значит, я права,
и ты не помнишь,
какого цвета
у меня глаза.

— Значит, я прав,
и ты собралась
тупо бабски
скандалить.

[разговоры в постели]

**Наташа Апрелева
Александр Егоров**

Пояс неверности. Роман втроем

Серия «Разговоры в постели»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6702566

*Пояс неверности: Роман втроем: Астрель-СПб; Санкт-Петербург; 2010
ISBN 978-5-9725-1891-3*

Аннотация

Вы уверены, что в вашей постели разговаривают только двое?

Неожиданный литературный дуэт самарской писательницы, «автора женских романов в нестандартном исполнении», и петербургского редактора делового журнала, автора жестких и совсем неженских книг. «Разговоры в постели – это лучшее, что можно себе представить» – считает Апрелева. «Любой разговор, даже болтовня у кофемашины в офисе, – это столкновение двух начал, мужского и женского. Даже если беседуют две девчонки» – убежден Егоров.

О любви втроем на два голоса. История неверности и ее последствий.

Содержание

[..]	6
ж., 45 л.	8
ж., 19 л.	15
м., 29 л.	19
ж., 45 л.	24
ж., 19 л.	28
ж., 45 л.	36
м., 29 л.	42
ж., 19 л.	45
ж., 45 л.	50
м., 29 л.	60
ж., 19 л.	68
ж., 45 л.	73
м., 29 л.	82
ж., 19 л.	86
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Александр Егоров, Наташа Апрелева Пояс неверности. Роман втроем

© Апрелева Н., 2010

© Егоров А., 2010

© ООО «Астрель-СПб», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Огромное спасибо allaboutan, ice_ice_helga, henriette_79, annika_ff, barabulkin, inesacipa, reader_1, vilet_levity, youlia_you за бесценную помощь в изучении московской географии, деталей быта и

особенностей женского права.

Соавторы

[..]

– На что жалуетесь?

– Я не видела у тебя этого свитера.

– Какого?

– Вот этого.

– Вот этого полосатого?

– А ты видишь здесь еще какой-нибудь? С вывязанными лошадками и норвежским орнаментом?

– Ну, мало ли. Вот в прошлый раз ты молчала-молчала, а потом спросила меня, как мне нравится Элла. Я не помнил, кто такая Элла. А ты сказала, что это новая горничная Шустова, она подавала нам кофе и торт с вишнями. У Шустова. «Черный лес».

– Какой лес?

– «Черный лес». Торт так назывался – «Черный лес». Вот его я запомнил, а Эллу – нет. А ты спрашивала. И сильно гневалась. Ты решила, что я полюбил Эллу. Неземной любовью. Эн эл.

– Перестань. Меня бесит твоя страсть к аббревиатурам. Это не смешно. Это даже грустно.

– Э эн эс. И дэ гэ.

– Так. Что за свитер, может быть, все-таки скажешь?

– Обыкновенный Ферре.

– Ты сам купил?

– Отличный вопрос. То есть у нас считается, что я не в состоянии купить себе дурацкий грошовый свитер?

– Ферре – это не дурацкий грошовый свитер... Тебе подарили его, да? А кто?

– Да мать твою так!.. Сколько можно!..

ж., 45 л.

Все повторяется.

Вздрагиваю от участливого вопроса продавца, или как сейчас правильно называются эти девушки в супермаркетах,двигающие картонные упаковки вдоль по полкам, – менеджер зала, консультант, мерчендайзер, бог знает.

– Вам помочь, женщина?

Девушка поправляет форменную темно-красную жилетку, на ее подбородке крупная коричневая родинка, густо поросшая темными волосами, похожая на мокрицу со многими ногами, – довольно неприятно, неужели никак нельзя избавиться. Впрочем, твои мокрицы многим хуже, подруга, одергиваю себя привычно. И ног у них не меньше.

Благодарю за участие, отказываюсь от помощи, стыдливо осознаю, что уже несколько минут оживленно обращаюсь к банке маринованного имбиря. Вообще, я часто разговариваю вслух, неважно, что в большинстве случаев я при этом одна. Или вот в обществе имбиря. Проговариваю наши чудные диалоги. Замечаю за собой, что тоже начинаю сводить к аббревиатуре те или иные выражения. Эта Его привычка, такая вредная. Такая притягательная.

– Почему ты никогда не можешь сказать, о чем ты думаешь?

– Ни о чем.

– Я трижды просила тебя сделать телевизор потише.

– Извини.

– То есть ты настолько ушел в свои мысли, что не слышал.

– Я извинился.

– У тебя есть кто-то еще!

В ответ он красиво ложится на кровать, красиво заводит руки за красивую голову и красиво улыбается. Еще может красиво взъерошить темные волосы – мальчишеский жест – и я наконец-то замолкаю, побежденная. Жду, когда Он скажет:

– Иди сюда!

Он говорит это не всегда. В последнюю нашу встречу не говорил, да и в предпоследнюю тоже, и мы валялись автономно в прямоугольных подушках, по разные стороны кровати, зачем она такая большая, кто-нибудь знает. Вся квартира кажется меньше, чем Его кровать, никогда бы не подумала, что так бывает, а вот бывает.

Огромное бежевое покрывало *Pratesi* из монгольского кашемира – сама тащила из Италии в безразмерном пакете с ручкой – по краям три нашитые бархатные полоски в полсантиметра шириной, обычно я начинаю нервно ковырять одну из них ногтем, выдергивая нитки. Варварство, разумеется, но мне нужно как-то себя занять, успокоить. Вынимаю сигареты, Он достает пепельницу, всем своим видом выражая,

что не одобряет курение, я знаю, закуриваю и выдыхаю беловатый дым. Мое отражение в дверце напрочь зеркального шкафа-купе теряет пугающую резкость, можно не бояться увидеть признаков ураганного старения и осыпания лица, мои вечные страхи. Просто темные волосы, просто темные узковатые глаза, просто широкие скулы.

– *Не могла дозвониться до тебя вчера.*

– *Телефон разрядился. Батарея совсем не держит.*

– *А вот мой телефон почему-то никогда не разряжается внезапно.*

– *Везет тебе!*

– *Просто надо иногда смотреть на уровень зарядки, это не так сложно.*

– *Ты помешана на контроле. Тэ пэ эн ка. Ты даже несчастный уровень зарядки пытаешься контролировать.*

– *Я не помешана на контроле.*

– *Да-да. Ты послушай себя. Вчера в ресторане. Или когда мы были?.. «Так, вот это я пробовала, полная ерунда, закажи себе семгу-гриль, они ее не очень портят...»*

– *И что?*

– *И ты говоришь, что не помешана на контроле?*

Громко смеюсь, смех вполне осязаемо падает розоватыми имбирными лепестками на почти чистый магазинный пол и лаковые носы моих вишневых сапог, «когда идешь, носки

ставь врозь и помни, кто ты такая!» – советовала Белая Королева. Послушно делаю выверенный шаг, потом второй.

С каких-то пор в «Седьмом Континенте» продают живые цветы, никогда не замечала раньше. Люблю цветы какой-то такой любовью, немного даже болезненной, переживаю, что им дается плохой уход, например. Десятки свежих роз плотно утрамбовали в высокие пластмассовые емкости, ни кислороду, ни воды в достаточном количестве. На несколько минут замираю и у отвратительных оранжевых вазонов, качаю головой, ко мне спешит очередная девушка в темно-красном жилете, открывает рот в перламутровом блеске дешевой помады. Нет, благодарю вас.

Надо делать простые, привычные вещи: наполнить тележку, не думать о плохом, подойти к кассе, вспомнить о яблочном соке, Он предпочитает определенной марки, добавить несколько пачек. Вернуться к кассе. Дотянуться до сигарет, взять красные «Давидофф».

Кассир – приветливая девица с бейджиком «Любовь», волосы выкрашены в иссиня-черный цвет, плохо гармонирующий с ее хорошеньким розовым лицом и голубыми глазами. У семейной пары впереди меня не сканируется большой пакет с королевскими креветками, кассир «Любовь» вводит цифры кода вручную, извинительно улыбается. Выгрузить на движущуюся ленту Его любимые колбаски чоризо, заметить заинтересованный мужской взгляд, чуть повернуть голову вправо – симпатичный мужчина в военной форме смот-

рит внимательно, готов улыбнуться, губы вздрагивают, чуть приоткрываясь. Расстроиться – ну вот, и никаких эмоций, даже и глазом не моргнула, даже и звезды на погонах не посчитала, а откуда взяться эмоциям, если все они остаются между складок простыней, под прямоугольными подушками.

Ах, этот «Седьмой Континент», из моих покупок не сканируются сливки, ладно, аппарат возражает против излишеств с королевскими кроватками, но сливки?.. Воспользовавшись паузой, достать пластиковую ВИЗУ, кассир «Любовь» прodelывает необходимые манипуляции, дожидаться появления чека.

– Одну минуточку, – услышать из-за спины, – я ведь могу уже оплатить?

Военный с так и неподсчитанными звездами протягивает кассиру «Любовь» аккуратно расправленные купюры, а мне – чайную розу на упругом стебле.

– На что жалуетесь? Эн че жэ?

– Никогда не любила ноябрь.

– А теперь полюбила?

– Да. Небо такое в ноябре.

– Какое? Низкое облачное?

– Серое прозрачное.

– Эс пэ. Прекрасно.

– Как твои глаза.

– Да ты в душе поэт. Я вот иногда не помню, какие там у меня глаза.

– А у меня?

– О, чччерт. Ну что за бабство. Сейчас ты начнешь биться в истерике: аааа!!! не помнит, какие у меня глаза!!! Подлец!!!

– Значит, я права, и ты не помнишь.

– Значит, я прав, и ты собралась тупо бабски скандалить.

Погрузиться с сумками в автомобиль, Чистые Пруды, Кривоколенный переулок, оказаться дома, заварить чаю, позвонить и не дозвониться, закурить, включить компьютер и написать сыну письмо.

«Привет, милый Алеша, что у тебя за странные настроения, они меня немного пугают и уж точно – удивляют. Разумеется, ты не должен возвращаться домой, ничего такого я от тебя и не жду. То, что тебе предложили постоянную должность в университетской клинике, – это прекрасно, мне кажется, лучшего и желать-то нельзя, и соглашаться надо непременно. В ближайший месяц постараюсь приехать к тебе, помочь устроиться на новом месте, не думаю, что жить в отеле – такая уж хорошая идея. Надо снять небольшую квартиру, я уже посмотрела предварительно в Интернете, уровень цен вполне приемлем. Виза моя благополучно открыта еще на год, жди мать. Тем более что опыт по осваиванию новых пространств у меня после переезда компании возрос.

Спасибо за интерес, теперь все нормально, и специальный телефонный человек до нас добрался, правда, с приключениями. Звонит мне: „Здравствуйте, я вот такой-то такой-то, остановился у хлебного магазина, как к вам пройти-проехать дальше?“ Отвечаю: проехать уже никак, сейчас девочки вас встретят и проводят. Поднялся, все сделал, получил подписанный наряд и сумму денег, ушел. Часа через два звонок. Беру трубку: „Здравствуйтесь, я вот такой-то такой-то, остановился у хлебного магазина, как к вам пройти-проехать дальше?“ В панике отсоединяюсь, прошу Леночку сварить мне кофе, Леночка приносит кофе, и я начинаю смеяться».

Перечитать написанное, закурить еще, убрать историю с монтером, зачем перегружать мальчика офисным безумием. Отправить письмо, рассмеяться в монитор, как же это здорово, электронная почта.

Подумать: зачем я соврала сначала себе, а потом сыну. Я ведь не приеду в ближайший месяц, я помешана вовсе не на контроле, я помешана на Нем.

ж., 19 л.

И совсем я не собиралась первой строчкой написать «привееет, мой дорогой дневничооок», еще каким-нибудь разным цветом, наоборот. Ха-ха, наоборот не в смысле «чао, мой отстойный дневник», а просто ведь в этом классном блокноте даже неохота писать всякую шнягу. Любимый мне подарил крутой молескин, я не знала сначала, что это вообще за штука, молескин, и немного удивилась. Глупый подарок – записная книжка, ну правда же, ну?..

Но потом я науглила про свой подарок вот что:

«Новый эксклюзивный *Moleskine Artist Collection Daily Planner* – это ежедневник на 2010 год, выпущенный ограниченным тиражом в блестящей мягкой черной коже. Дизайн ежедневника разработан всемирно признанным художником *Marti Guixe*. Страница размером с ладонь позволяет удобно разместить записи о планах и встречах на каждый день. Особый гибкий переплет обеспечивает удобство использования записной книжки в открытом виде. Восхитительная черная кожа в этой модели *Moleskine* выделит вас среди окружающих и защитит внутренние страницы от случайной влаги и сминаний. Эластичная резинка удерживает страницы вместе, а закладка помогает быстро найти текущую дату. Листок двуцветных наклеек поможет вам сделать ежедневник молескин поистине уникальным».

По-моему, это очень оригинально – вести дневник именно в красивом дорогом молескине, а не тупить, как все, в дурацких ЖЖ, дико надоевших.

Быстро набрала Любимому сообщение: «Спасибо котик целую», и никаких тупических смайликов, не люблю. Смайлики – полный отстой, а еще мы вчера были с девчонками в большом книжном магазине на Мясницкой, так там Ксюха вцепилась в дурацкую брошюру с названием «Двести пятьдесят супер-смс на все случаи жизни» и хотела ее купить, но мы с Ариной сказали, что она нас позорит. Тогда она стала искать новую книгу вампирской писательницы, тоже забыла название, хи-хи, и нашла, но новая книга была уже про каких-то инопланетян. Не вампиров. Ксюха чуть не разрыдалась, потому что чокнулась со своими вампирами и мечтает познакомиться с парнем, похожим на сумеречного Роберта Паттинсона. Подумала, что Любимый очень напоминает этого актера, только глаза у него светлые, я говорю, темно-белые, правда, я где-то читала, что и у Роберта Паттинсона настоящий цвет глаз голубой, а во время съемок ему приходилось постоянно носить контактные линзы, потому как что за вампир с голубыми глазами.

Простилась с подругами: чмоки-чмоки. Побежала в метро.

У меня самой разноцветные глаза, если что. Как-то познакомилась с одним уродом в «асечке», так он все орал: «Ты гонишь, не могут зены быть утром серыми, вечером зелены-

МИ» – а МОИ ВОТ МОГУТ, и НИЧЕГО.

– *На что жалуетесь?*

– *Ты заманал своим «на что жалуетесь»! Что ли, нельзя по-нормальному разговаривать, бл?..*

– *О, как интересно! Может быть, ты меня и поучишь? Дашь мастер-класс разговорной речи?*

– *Может быть, и поучу. А может быть, и нет.*

– *В последнем случае страдания мои будут чудовищны... Снимай штаны.*

– *Прям сейчас.*

– *Снимай, говорю! Мне через полтора часа надо в центре быть.*

– *Чего делать?*

– *Работать, любовь моя! Ты, наверное, забыла – что это такое...*

Сейчас отвлеклась, звонил Славка-водитель, сказал, что мою завтрашнюю поездку к рекламодателю в Зюзино вычеркнула из списка лично Барыня. Может быть, ей неприятно само слово «Зюзино», оно очень дурацкое, конечно, но теперь мне придется как-то пикировать туда на метро, а я не очень еще ориентируюсь в Москве и вообще.

Перезвонила Любимому и простонала, что ненавижу Зюзино, и не сможет ли он. Любимый сказал, что сможет, если я сейчас брошу страдать фигней и приеду к нему, мне откроет его помощница по хозяйству Мымра Петровна, а он будет

вечером. «Я бэ вэ», если точно, он сказал, потому что вечно бормочет что-то, сокращая слова до первых букв. Так что, дорогой мой молескин, придется собираться и мчать, Мым-ру Петровну ненавижу, она меня тоже, Любимый, конечно, супер, но изображать оргазмы я уже заманалась. Не знаю, мне кажется, что их вообще не бывает ни у кого, и все врут, как я. Сговорились и врут.

м., 29 л.

Она меня называет Любимый, я знаю. Вот именно так, с заглавной буквы. Несколько официально, как будто это моя фамилия. Алло, позовите товарища Любимого. Любимый, вы уволены.

Шикарно звучит.

Предполагается, что это важно для меня – быть Любимым. Пусть и не Первым (ну, котик, ты же понимаешь, это была вроде-как-влюбленность, вроде-как-выпускной, я была такой гадкой в летнем лагере, и вообще).

«Пусть и не Последним», – добавляю я равнодушно. И беззвучно.

Моя настоящая фамилия живет у нее в телефонной книжке. Высвечивается на дисплее рядом с аватаркой, когда я звоню. Так что для ее телефончика никакой я не «Любимый». Просто один из списка. Пусть и озвученный отдельной мелодией: *believe me, whazza fuck, you leave me*, – что означает «Не дадите Евровидение – отключим газ».

Неактуальный рингтон. Староват. Может, от кого другого остался?

Но вот у кого-то на столе блеет такой же Билайн, и я нервно оглядываюсь. Там, вдалеке – длинная сутулая брюнетка без возраста жрет свой десерт с крохотной тарелочки. То есть – уже не жрет. Уже она бросает со звоном ложечку и

хватает телефончик.

«Алло, *cheri*», – говорит она, торопливо сглотнув.

Это – благостная кофейня на Большой Никитской, вечно набитая богатым сбродом, иностранцами филармонического вида и такими вот трепетными дамочками в режиме вечного ожидания. Дамочка щебечет что-то по-французски. Что-то про *la musique. C'est magnifique*.

ОК, у вас все получится, думаю я. Настанет день, и он расчехлит свою флейту. Виагра творит чудеса. Только не давай ему слушать этот рингтон.

Брюнетка захлопывает свой телефончик. Кидает мечтательный взгляд в окно. Облизывает губы. И вновь принимается за десерт.

– Желаете еще чего-нибудь?

На меня сверху вниз смотрит официантка «Nadia». Золотой бейджик на ее груди. Желаю ли я? Тонкий вопрос.

– Будьте добры, еще эспresso, – говорю я вежливо. Она чуть заметно улыбается. Чуть заметно теряет ко мне интерес.

Увы, добрая Надежда. Мне не по сердцу ваши маленькие радости. Даже вон тот тирамису за восемьсот рублей, с аппетитом доедаемый брюнеткой. Я сижу здесь битый час, и по всему видно, что чувак, которого я жду, тупо меня кинул.

Его телефон не отвечает. Какой уж там рингтон играет в его телефоне, я не знаю. И как я выгляжу в его телефонной книжке, не знаю тоже.

Знаю только, что мои шансы получить бабло стремитель-

но обнуляются, как счетчик дневного пробега на спидометре.

Через день этот чел проявится. Виновато разведет руками. Сообщит что-нибудь о бюджете, который зарубили на самом верху. Я делал все, что мог, скажет он. Я уже почти согласовал твой процент, скажет он, – но начальство ни в какую. Так что ничего личного, просто бизнес.

Ты думаешь, мне легко?

Прощаясь, он подаст мне влажную руку. И я пожму. А еще через день услышу, что он улетает в отпуск на Сен-Барт.

– Эспresso, – объявляет Надежда.

– Воистину, – отзываюсь я машинально. *Nadia* чуть заметно поднимает ресницы. Я даже не хотел с ней шутить, разве что по привычке. У нее красивая грудь и длинные тонкие пальцы, почти аристократические. Не слишком разбавленная барская кровь, думаю я. Должно быть, прабабка пошалила с кавалерийским офицером.

Бедная *Nadia*. Она могла бы подавать кофе в постель любого нефтебарона. Ее вина только в том, что она появилась на свет далеко от Москвы, в тех местах, где, если по-честному, давно уже не ждут никаких Надежд.

В какой-нибудь Сызрани.

Почему-то мне становится весело. Чтобы это скрыть, я листаю входящие сообщения на своем телефоне.

«Спасибо котик целую».

Это был писк благодарности. Поцелуйчик за молескин-

чик. Дохрена ценный подарок, что ни говори.

Пришлось потратить два подарочных купона. Презент от редакции СМОГа.

Мо-ле-скин. Кто его знает, что это значит. Кожа мула? А может, моллюска? Можно было бы посмотреть в Википедии, только лень.

Она говорит: «погуглить». «Погуглю». Смешно звучит. «Я тебя гуглю, милый».

И кто только всю эту шнягу внедряет в неокрепшее сознание – MTV, что ли? С них станется. А может, им проплатил рекламу сам этот крутой парень, основатель *Google*, который якобы русский? Тот, который Россию называет северной Нигерией?

Впрочем, какая нахрен разница.

Сколько раз сам себе говорил: не бери в голову лишнего. Не задавай пустых вопросов, пусть даже и в формате внутреннего монолога. Не загружай мозги своему ангелу-хранителю. Он и так уже малость прих-ел от твоих проблем.

У нас есть вопросы более серьезные, котик, ты же помнишь. Например: с какого перепугу Мамочка вдруг стала такой догадливой?

Давай-ка разберемся хотя бы с этим, мой дорогой ангел-хранитель. Ты же профессионал, я знаю. Ты сохраняешь стенограммы разговоров.

«Почему ты никогда не можешь сказать, о чем ты думаешь?»

(Или еще что-то такое она спросила, какую-то очередную глупую заумность. Инстинкт бабы-собственницы. Ей мало получить твой член. Она не без оснований полагает, что мозг тоже для чего-то нужен.)

«Ни о чем».

(Это я сказал. И ведь даже врать не пришлось.)

«Я трижды просила тебя сделать телевизор потише».

(Это она снова хотела напомнить, кто в доме хозяин. Увы, увы.)

«Извини».

«То есть ты настолько ушел в свои мысли, что не слышал».

«Я извинился».

«У тебя кто-то есть еще!»

(Выпалила она довольно метко. И вот тут-то...)

То есть – уже без скобок: и вот тут-то мне следовало прислушаться к ее словам получше.

Проблема в том, что я ненавижу ее голос.

А тогда я всего лишь подумал: может, она что-то узнала о Гвендолен?

ж., 45 л.

«Ты поворачиваешься на стуле ко мне лицом, это если у тебя крутящийся стул на рабочем месте. Если обычная офисная каракатица – поворачиваешься просто. У нас мало времени, напоминаешь ты, пара минут или вообще одна. Мы не успеем, что ты придумала, говоришь ты еще. Я не отвечаю, я соглашаюсь, пусть минута, шестьдесят секунд, шестьдесят слов.

Опускаюсь на колени, это удобно. Расстегиваю ремень, разбираюсь с ширинкой, пусть она сегодня будет несложной, а то эти „на болтах“, сам понимаешь, утяжеляют процесс. С нежностью рассматриваю твой член, я бы уделила этому больше времени, но секунд и слов мало, приветливо нацеливаюсь воронкою рта, можно застонать, да, скользя вниз-вниз, или оставаться на гладкой головке, создать ей некоторый вакуум, пальцы вниз, положи мне руку на теплый затылок и по желанию участвуй в процессе, мало времени, чтобы не сбиться, я считаю про себя: пятьдесят шесть, пятьдесят семь, горячий фонтанчик в середину нёба, я глотаю, естественно, шестьдесят... шестьдесят секунд, шестьдесят слов. Ты меня целуешь? Тогда шестьдесят... две?»

Письмо от загадочной Гвендолен отправлено, завтра мне обеспечено некоторое Его волнение и даже пыл, ладно, об этом позже.

Стою в ванной комнате, пришла умыться на ночь, но, привычно подумав о Нем, привычно взволновалась, привычно расстроилась и больно прикусила нижнюю губу. Тоже привычно.

– *Какого черта!*

– *Извини, дорогой, помешала?*

– *А как ты думала, какого хрена вообще врываться к человеку, когда он принимает душ?*

– *Но ты не принимаешь душ.*

– *Правильно, а что я, по-твоему, тюлень на арене цирка? Ты будешь глазеть, а я крутить на носу мяч?*

– *Извини, я ухожу.*

– *Нет, нет, теперь постой! Что ты себе думаешь, ты вывела меня из себя, а теперь я должен беситься один? Нет уж, ты теперь послушай, что я тебе скажу!*

– *Я слушаю.*

– *Никогда, никогда! Никогда не заходи в мою ванную!*

– *Начать с того, что эта ванная – Марианнина.*

– *Да! Давай, скажи, что моего тут ничего нет! Нет, ты скажи! Что я себе на говенное чугунное корыто не заработал!*

– *Это джакузи из акрила.*

– *А мне плевать! Никогда! Не заходи! Если! Я! В ванной!*

– *Ты сумасшедший. Так кричишь. Я ушла. Всего хорошего.*

– *Ну и вали! Давай отсюда! Скатертью дорога!*

Поднимаюсь на цыпочки, цепляю пальцем смешную резиновую шапочку в форме растаманского берета, она оранжевая, с выпуклыми цветочками, очень удобная, если я намочу волосы, то завтра придется тратить на их укладку десять минут, у меня нет этих десяти минут. Очень люблю эти колкие струйки от душа, разбивающиеся о мою кожу, в эти моменты я не думаю ни о чем, а живу по привычке, это гораздо удобнее и совсем не больно.

Сегодня наткнулась у театральных касс на старинного приятеля с комедийной фамилией Ртов, уже много лет он перестал разговаривать на русском языке, предпочитает английский. Какой-то глубокий внутренний конфликт. Ртов оторвался от бесконечного набирания смс, дважды сморгнул и сказал:

– Hi, how are you?

– Fine.

– Good to see you. Are you going to the show?

– Yes.

– Good. See you there.

– Bye.

Посмотрел поверх очков, криво улыбнулся, как и всегда. Последний раз мы виделись со Ртовым года три назад. Билеты я купила. Давно хотели сходить с Ним именно в «Современник».

Вообще какой-то день. Неудачный. Есть у меня клиент один, в какой-то степени ключевой. И вот что-то случилось с

ним. Какие-то глубинные инстинкты проявились, когда маленький мальчик, вытесняя здорового мужика, принимает решения.

Собственно, этот маленький мальчик возьми да и поставь ультиматум – чтобы лично меня не было на переговорах. Выразил желание подписывать документы «только с мужчиной», как это мило. Была вынуждена принять требование и на деловую встречу не пойду. Отправится мой заместитель Сандро, золотой мальчик, московский грузин в третьем поколении. Но как же это смешно! Некоторое время я чертовски хотела спросить ключевого клиента: неужели трусость – основная ваша бизнес-черта? Конечно, не спросила. Во-первых – выше этого всего, а во-вторых – все понимаю. Как это иногда утомительно – все понимать.

Слышу телефонный звонок, разумеется, это подруга Эва, бывшая эстонка. Она отличается тем, что звонит мне исключительно в неудобные моменты, голова в пене, тело в воде, ноги в креме, руки в масле.

ж., 19 л.

Дорогой мой дневничок, весь день мечтала поскорее до тебя добраться. Моталась по городу, как подраненная, до Нового года еще палкой не докинуть, а какие-то придурки уже продают елки и украшают фонариками березы. Ну, против украшенных берез я ничего не имею, так гораздо прикольнее. Нового года не хочу, даже не знаю.

– Я так устала, просто как-то ужасно устала.

– Не ной. Эн эн.

– А ты никогда мне ничего не отвечаешь! Не отвечаешь!

– Да просто я пытаюсь сообразить, чем ты таким занималась, любовь моя, что бесконечно устала.

– Ехала. Ела еще. Квартиру твою убирала.

– Ага. Просто сновала с баллоном Мистера Мускула. А Тамара Петровна тем временем, развалившись в кресле, пила мой коньяк.

– Зачем ты так про Тамару Петровну. Клевета это. Не пила она коньяк. Она курила твои сигары.

– А это вот что это у тебя за хрень?

– Где?

– Там.

– Отстань! Ну отцепись же!

– Нет, повернись вот так. Мне плохо видно. Странный

вот это кровоподтек.

– Ну что за чушь ты несешь!

– Повернись, я сказал.

Да, милый молескин, ничего странного в синячище на бедре не было, это я столкнулась со столом, вечно натываюсь на предметы, но Любимый иногда такой недоверчивый!.. Когда я сказала про стол, он зло спихнул меня с кровати, прямо вот уперся ногой и спихнул. Я проехала задницей по простыням и упала на пол.

– И долго ты там собираешься валяться?

– До утра, бл...

– Хорошо, тогда дотянись ручкой, включи компьютер.

– Я не достану ручкой.

– Тогда ножкой.

– Большим пальцем?

– Можешь маленьким.

– А на что тебе комп?

– Мне комп – поработать, любовь моя, мы тут недавно выяснили, ты не знаешь, что это такое.

– Ага, конечно. А кто наяривает, носится по городу, по разным сраным долбо-бам-рекламодателям?

– А кто не хочет учиться?

– Я хочу учиться.

– Здравствуйте, Михайло Васильевич! Зэ, эм вз!

– Сам ты Михайло. Васильевич. Эм вэ, бл...

– Ломоносов, дура.

– Да мне без разницы. Я хочу учиться, но не на инженера же!

– На балерину?

– Не буду с тобой разговаривать.

– Тоже неплохо...

В общем, я потихоньку отползла на кухню, хотя кухней это дело не назовешь, квартира Любимого – одно огромное помещение, и есть, конечно, место, где стоит плита и посудомоечная машина. Санузел совмещенный, но не скворечник метр на полтора, как в разных «хрущевках» или там коммуналках, а огромная комната, с высоким узким окном и почти бассейном треугольной формы. Все в темно-сером типа мраморе с золотистыми прожилками. Полы подогревы. В бассейне есть такие классные штуки, для гидромассажа. Всегда мечтала плескаться в такой роскоши с красавцем-мужчиной, ну как Джулия Робертс в старом кино про Красотку, и кидаться пеной. Но Любимого пока на это соблазнить не удалось.

Подумала, что с удовольствием выпила бы пива, в холодильнике всегда много светлого пива, а в навесном шкафчике – темного, вот бывают же у людей такие заскоки, что темное должно быть теплым. Еще обнаружила куриный супчик, Мымра Петровна настропалилась варить почти настоящий

вьетнамский куриный супчик, с креветками, очень вкусный. А еще мне ужасно нравится, что у Любимого можно ничего за собой не убирать, все равно утром притащится Мымра и все за тобой уберет сама, здорово, правда? С этим супчиком прикольно едятся чипсы «Эстрелла», которые со сметаной, я их захватила с собой. Обожаю чипсы, самая прикольная еда, и хорошо их куда-нибудь макать, в соус какой-нибудь, кетчуп или вот у Любимого стоит ткемали в красивой бутылочке.

Девчонки говорят, что моя прямая дорога – это склонить Любимого к браку, это Арина, она же у нас гламурная пуся, к тому же студентка юрфака МГУ, они любят точные формулировки. Вот она и продолжает формулировать: первое – он москвич, точнее, бывший питерец, но это все равно. Второе: небедный, третье, четвертое и пятое уже неважно.

Наверное, она права, только из меня еще та склоняльщица, я даже разговаривать спокойно не умею, а туда же. Вот опять поссорились из-за какой-то фигни, подумаешь, учеба, куда торопиться, у меня масса времени, надо было отшутиться как-нибудь, а не обижаться, как малолетка. Тем более что и ЕГЭ я не сдавала – на следующий же день после похорон бабушки уехала, а было это в апреле. Так что ни аттестата – ничего. Никто здесь об этом не знает, оно и к лучшему.

Иногда удивляюсь, что вообще Любимый во мне нашел, мы ведь знакомы уже почти год. Ужас, вот время-то летит.

Прошлой зимой было. Мы тогда втроем с девчонками

снимали квартиру в Выхино – сорок минут телепаться до метро, а на работу мне надо было в центр, на Смоленский бульвар, и дорога занимала часа два, что для Москвы в общем-то нормально, а мне еще было напряжно. Я вставала в чудовищную рань, страшно даже сказать – в половине шестого, потому что рабочий день у нас по закону Барыни начинается в восемь. Нет, я не шучу, дорогой молескин, в восемь, Барыня считает, что это – правильно, «с петухами вставать, с курами ложиться». Конечно, у пожилых вообще проблемы со сном: вот мой дедушка частенько просыпался так утречком, часика в четыре, включал радио «Маяк» и шумно ел все, что ему встречалось на пути.

Ленка наша, секретарша, уродливая стриженная зануда, как-то проболталась (она жутко напилась с полбокала шампанского, когда отмечали старческий праздник Восьмое марта), что все Барынины мужики были полное говно, а второй муж вообще. Что-то там такое ужасное у них произошло, дура Ленка только закатывала свои маленькие глазки и тяжело вздыхала, как Дарт Вейдер из «Звездных войн». Когда он уже в маске красовался. А потом побежала в туалет тошнить, это я снова про Ленку, дорогой молескин, не подумай чего лишнего.

– Опять ешь?

– Ну, допустим, ем.

– Скоро в дверь не пролезешь. Никогда не видел, чтобы

девушки столько ели. Это аномалия какая-то.

— Тебе супа жалко? Жадина-говядина, соленый огурец.

— Что за вздор. Разумеется, мне не жаль супа. Тем более что завтра Петровна его вылила бы в унитаз. Он съедобен только свеже сваренный, знаешь ли.

— А мне нравится.

— Не сомневаюсь. Удивительно прожорливое существо. У пэ эс.

— Я в бабушку.

— В бабушку из Похвистнево?

— Какого еще Похвистнево? Да мне похвистнево на ваше Похвистнево.

— А откуда? Господи.

— Из Сызрани.

— А, извини, пожалуйста, ты, должно быть, страшно оскорблена моей ошибкой.

— Можно я поем?

— Господи... Голодающее Поволжье...

— Очень ты сейчас остроумно сказал.

— «Очень ты сейчас остроумно сказаААл...»

— Дразнится еще!

— Ты оригинально разговариваешь. Повышаешь тон к концу фразы. Как будто бы каждый раз задаешь вопрос. Такой милый акцент. Чисто сызранский? Че эс?

Прости, дорогой молескин, я ведь хотела про знакомство

с Любимым, а застряла на блюющей Ленке и еще этот «чисто сызранский» приبلудился. Че эс. Пока я добиралась до офиса, я еще прихватывала сколько-то там минут сна стоя в метро и в результате выглядела дико: заспанное лицо в каких-то вмятинах и глаза-бойницы. В тот день у меня еще промокли ноги, разболелось горло, я пыталась постоянно откашляться – и бесполезно. Так вот, плелась и мечтала о горячем чае и сухих носках, но никак не о встрече с Любимым, а он взял и встретился. Сидел буквально на моем рабочем месте незнакомый мужчинка и пил горячий чай из моей чашки. Я, конечно, как три медведя: кто спал на моей кровати и сломал ее? «Это моя чашка», – сказала я хрипло. «Пожалуйста», – он нисколько не спорил, встал, протянул мне чашку к губам, немного наклонил, и я глотнула чаю, крепкого, горячего и с лимоном. А Любимый (ну, впоследствии Любимый) засмеялся, подергал меня за прядь грязноватых волос и написал на квадратном листке от блока с корпоративной символикой свое имя и телефон.

Потом он куда-то делся. Примчала Барыня, а до того времени она наверняка визжала в компьютерном центре, у дизайнеров, потому что четверг такой особенный день, когда выгоняют пленки, никто ничего не успевает, и Барыня визжит. Понимаю, дорогой молескин, тебе про пленки совсем неинтересно, ха, вот и мне тоже. Я допивала чай, говорила сама себе: таких светлых глаз не бывает, таких светлых глаз не бывает.

Мимо пронеслась Ленка со стеклянной пепельницей в руках, потом с той же пепельницей, полной варенья. Барыня пьет кофе и ест варенье из клубники, это всем известно.

— Что это с тобой была за Ксюша, откуда ты берешь этих ужасных девочек?

— Ксюха классная, ты что!

— А главное, очень умная. Она уверена, что Косово — это район Москвы.

— А что, разве не так? У тебя телефон звонит, кстати.

— Я слышу.

— А почему не отвечаешь?

— Не твое дело, любовь моя. Я отвечаю. Алло. Привет. Сплю уже, да. Ничего страшного. Да. И тебе — спокойной ночи. Эс эн!

ж., 45 л.

Мобильные телефоны – огромное зло. Знать, что я могу позвонить Ему в любой момент, это невыносимо. Меня бы более порадовали объективные препятствия. Я бы успокоилась и занялась делом, просмотрела бухгалтерский отчет или прочитала, наконец, новый договор с арендодателем. Сейчас я снова наберу Его номер, и снова Он будет недоступен, а так даже лучше, потому что сказать мне нечего.

– То есть ты против отношений типа свинг?

– Разумеется, против. Это вообще не отношения.

– А что?

– Дерьмо это.

– А вот твои же друзья Шухтины так не считают.

– Кто? Шухтины? Да они думают, что свинг – это настольная игра. Типа домино. Поэтому так и не считают... Скажешь тоже, мои друзья Шухтины. Ты еще скажи, что Александра Пахмутова предпочитает свинг.

– При чем тут Александра Пахмутова?

– Ни при чем. Просто ее целую вечность поздравляют с днем рождения. По-моему, уже полгода. И Шухтины тут тоже. Ни при чем.

– А вот и нет. Твои друзья Шухтины вступили в клуб «Восемь цветов радуги», и уверяю тебя, вовсе не забывают

там «козла».

— Не понимаю, откуда у тебя такая информация.

— Откуда-откуда... В прошлую пятницу за вашим любимым преферансом сама Сонька и рассказывала.

— Не слышала.

— А ты прыгала вокруг со своими сырными палочками или чесночными гренками.

— Ну, как всегда, собственно...

— Не расстраивайся.

— Абсолютно не расстраиваюсь. Сонька признавалась, что у нее ни разу в жизни не было оргазма.

— А теперь у нее есть оргазм.

— Каскадный.

— Не исключено.

— А ты вообще это все к чему?

— Нину же, дорогая!.. Ты уже поняла.

— Нет.

Я с готовностью иду на сексуальные эксперименты, и мне ли удивляться, я и не удивляюсь. Просто если я увижу Его с другой женщиной, в ее объятиях, губы к губам, она кладет свои руки ему на шею, переплетая пальцы, медленно сползает вниз, скользит языком по левому плечу, захватывает ртом сосок-пустышку, отправляется дальше, пальцы расплетаются, руки оставляют шею, чтобы нежно погладить эрегированный... Он не закрывает глаза, смотрит. Я не закрываю гла-

за, смотрю. Мне что-то мешает закрыть глаза. Может быть, ее светлые волосы попали, когда я намотала их на запястье, рванув вперед и вверх, вырывая с корнем, отплевывая с отворачиванием.

– *Может быть, нам съездить отдохнуть куда-нибудь?*

– *Куда?*

– *Туда, где тепло.*

– *Как ты банальна...*

– *Я люблю, когда тепло. Солнце. Море. Можно океан.*

– *В пляжном туризме меня вообще ничего не привлекает.*

Это вечное тупление в шезлонгах и барах!.. Дискотеки для престарелых под зажигательные когда-то ритмы!..

– *А ты как бы предпочел отдохнуть?*

– *Не знаю. Однозначно не на море. Горнолыжный курорт?*

Этнографическая экспедиция в село Шушенское? Паломничество в Непал? Неверной дорогой Федора Конюхова через Тихий океан в байдарке?

– *У нас с тобой любой разговор заканчивается ссорой.*

Мне это не нравится.

– *Мне тоже.*

Набираю номер подруги Эвы, бывшей эстонки. Эва единственная, кто хоть как-то в курсе моей ущербной личной жизни, начиная с девятого класса средней школы, когда я в промерзшем трамвае познакомилась с очень симпатичным

парнем в летной форме, а на следующей неделе встретила его в своем дворе. Он пришел к товарищу, оказавшемуся моим соседом по подъезду, «это судьба» – сказал он и представился чинно: Дима. Разумеется, судьба, а что же это может быть еще, и мы колобродили с Димочкой четыре долгих года, потом совершенно неожиданно для всех поженились, страннейший поступок, если разобраться.

Дима органически не был способен произнести подряд более трех слов правды, если такое делать все же приходилось, он хирел и заболел. Жизнь его состояла из мозаики вымышленных событий, воображаемых людей и сложного взаимодействия с ними, а неприлично реальная я плохо вписывалась во все это роскошество. Развелись мы с Димочкой очень скоро, ну просто через крайне малое время после того, как переехали в квартиру, якобы купленную им на деньги Министерства обороны. Он же, по приказу этого самого Министерства, полетел как бы совершать полеты в режиме большой секретности, в предгорьях Кавказа.

Я со счастьем обживала новый дом, обзаводилась яркой керамической посудой, любезной моему глазу в те времена. Через две недели на пороге появились неприветливые бородатые люди в свободных темных одеждах, не исключая, скрывавших автоматы Калашникова или компактные УЗИ. Какая-то там у Димочки была гигантская афера и с деньгами Министерства обороны, и с нашей квартирой, в результате он ее не купил, а просто снял, причем даже не заплатив

аванса.

Я в страхе, слезах и на четвертом месяце беременности оказалась в родительской кухне, откуда боялась выходить еще долго, очень долго. Рисковала только пробраться в туалет, да и то все перебежками, перебежками.

Димочку я не видала больше. Никогда.

– Во-первых, здравствуйте, – говорю я Эве, бывшей эстонке, она послушно смеется.

Лет пять назад была у меня такая работница, начальница рекламной службы. Бывшая школьная учительница, она чрезвычайно строго разговаривала с клиентами. «Во-первых, здравствуйте», – это была ее любимая фраза, призванная настроить зарвавшегося абонента на нужный лад.

– Здравствуйте, – отвечает Эва и без паузы спрашивает: – Ну, как Он?

Молчу, потому что, кажется, плачу.

– У Него кто-то есть, – говорю, вдоволь насморкавшись в кухонное полотенце отличного ирландского полотна, неширокие бледно-желтые полосы чередуются с фиолетовыми.

Эва теряется, потому что сказать ей нечего. «У него кто-то есть» – такая фраза, на которую сложно реагировать адекватно и со смыслом, тем более хорошим друзьям. На такую фразу можно дать один из десяти возможных неконструктивных ответов. Эва сдерживается и старается меня развлечь беседой:

– Вообрази, – произносит она нарочито оживленно, – Лилька Маркелова сегодня полдня ностальгировала по своему бывшему, сборщику металлоконструкций. Помнишь такого? С усами в очках?

– Да, – сморкаюсь я еще, – помню, она еще говорила про него – «вынул свои куриные потроха».

– Так вот! – радуется моему ответу на увеселение Эва, – она оценила, кстати, незначительность размеров. Неплохо, говорит, так уютненько. Ищет сейчас подобного. Не знаю...

– Не знаю, – соглашаюсь я, – вряд ли кто правдиво ответит на вопрос: «А он у тебя действительно мал?!»

Эва, бывшая эстонка, смеется, говорит что-то еще. Я слушаю не очень, потому что минуты через две повторяю:

– У Него кто-то есть.

– О том, что у него кто-то есть, нетрудно было догадаться с самого начала! – наконец выдает Эва один из десяти возможных неконструктивных ответов.

м., 29 л.

С самого начала я догадывался, что она догадается. Нашей Мамочке не откажешь в проницательности. Это один из ее талантов.

Будто я сам не знаю, что рано или поздно все придет к финалу. Еще ни в одной истории не было так, чтобы не было финала, разве что в «Санта-Барбаре», если кто помнит. Которую взяли, да и оборвали из-за падения рейтингов.

Вот так-то, мой милый ангел-хранитель.

Мой-то рейтинг высок как никогда. Особенно если почитать Сказки Матушки Гвендолен, ха-ха.

Вот сейчас я смотрю в зеркало (в широкое, ясное, как дорога у Некрасова, громадное зеркало в ванной, в этой охрнительной квартире-студии, которая никогда не станет моей, ну и черт с ней). Я стою там абсолютно голым. Я виден в этом зеркале с головы до ног. Ну, почти до самых ног – особенно если приблизить нос к стеклу.

Да, все у меня в порядке. И с головой, и с ногами, и между. Что ни говори, у меня тоже есть положительные стороны. Особенно лицевая.

В женских журналах очень убедительно пишут, что мужикам свойственно оценивать чужой размер. Причем свой они видят всегда сверху, а чужой – сбоку. От этого свой неизбежно кажется меньше. И мужики от этого неизбежно ком-

плексуют.

Будто бы это разновидность дисморфофобии.

Смешно звучит: дисморфофоб. *This more*¹. *For fap*².

Глупости все это. Какой смысл сравнивать их в нерабочем положении? Если, конечно, не предположить, что у вас у обоих уже на взводе.

Хотя и такое бывает, конечно. Скажем, если вы нарочно сговорились – сравнить. Как в седьмом классе: кто спустит быстрее.

Быстрее, выше, сильнее. Как гласит олимпийский девиз этого гомика, Де Кубертена. Не обижайся, мой ангел, ладно?

Что поделать, если он просто-таки заточен под правую руку? Как в анекдоте: «*How do you do?*» – «*All right*»². (И, зажимая нос, как переводчик на старом видео): «Как ты это делаешь?» – «Всегда правой».

Я тебе больше скажу, мой ангел: левой ничего и не получается. Совсем не те ощущения. Тут что-то с полушариями мозга. Человек вообще – биполярное существо.

Так.

Хватит.

Пора заканчивать с этим.

Протянуть руку (правую) и выключить душ (бррр). Вытереться и выйти.

Сегодня вечером приедет мелкая. Мамочка пусть отдохнет. Такой уж у нас график.

«Может быть, нам съездить отдохнуть куда-нибудь?»

(Это она спросила недавно.)

«Куда?»

«Туда, где тепло».

(Тут я ее вяло обругал. По правде сказать, мне было все равно, куда ехать – или куда не ехать, хоть в Аспен, хоть в Сочи. Но я слишком хорошо знал, что она имеет в виду под «теплом». Тепло общения двадцать четыре часа в сутки с нею одной. Право собственности – неизменный приоритет для нее. Здесь она тверда, как Гаагский трибунал. Я как-то для смеху закидывал ей удочку про свинг – так у нее даже губы побелели.)

«У нас с тобой любой разговор заканчивается ссорой. Мне это не нравится».

(Так она сказала – довольно жестко. Только голос дрогнул на излете фразы: «мне это не нра...»)

«Мне тоже».

(Это я ответил по инерции.)

Не прошло и минуты, как мне стало жаль ее. И я поступил как обычно.

Пусть это мне и не нра.

ж., 19 л.

Дорогой мой молескинчик, привет, я очень скучала, вот честно. Целый рабочий день только и утешалась, что приду вечером, достану тебя из ящика, поглажу нежные странички, поднесу к лицу, втяну носом твой особый запах хорошей бумаги и чуть-чуть клея. Возьму ручку и напишу: дорогой мой молескинчик!..

Выпал снег, пора уже, ноябрь вроде бы. Когда я была маленькая, на осенних каникулах всегда был снег. Сегодня скакала до метро и видела, как два мальчика лет десяти лепили микроснежных баб. Таких маленьких, размером с ладонь, и устанавливали на гранитном парапете. Подсмотрела, что вместо глазок впихивали им копеечные монеты...

– Любимый!

– Милая, когда ты меня так называешь, да еще столь торжественным тоном, я теряюсь.

– Мы должны поговорить.

– Не хочу тебя огорчать, но что же мы, по-твоему, делаем сейчас?

– Серьезно поговорить.

– Эс нэ. Оооо, Господи... Может, лучше еще заходик?.. Ползи сюда. Посмотри, у дяди-доктора есть такая штука... ка...

– Штучка! Заходи! Дозаходились, похоже.

– Это мы о чем?

– О том.

– Знаешь что, меня твоя детсадовская лексика напрягает. Вот все эти: жадина-говядина, почему-потому, что кончается на «у»...

– Я так не говорила, что кончается на «у».

– А могла бы.

...С Любимым мы нафиг разругались, и я теперь даже не знаю. Скомандовала себе притормозить с мыслями вообще, ну а что тут думать, что тут думать. Хули толку, как говорит Славка-водитель, зевая в пробках, что выехал на три часа раньше, те же яйца, смотрим сбоку. Так что, дорогой молескин, не буду о грустном, не буду о сложном – короче, не буду.

Ксюха звонила, едет в гости, причем вдвоем – она недавно познакомилась с одним мальчишкой, звать Ганс, так он известный в Москве паркурист. Вот с ним едет.

Паркуристы, дорогой мой дневничок, это такие сумасшедшие люди, которые прыгают с крыши на крышу и находят в этом свое счастье. Еще паркуристы много всякого делают, крыши – это не верх, ха-ха, сострила сейчас смешно, крыши – это не верх мастерства. Надеюсь, что сейчас они все-таки воспользовались метро, а то я не обладаю навыками управления переломов...

...Ну вот, дорогой дневничок, приезжала Ксюха со своим паркуристом, который вовсе и не паркурист, а трейсер, о чем он объявил с порога. Хорошенький такой паренек, румяный, с дредами на голове – называются «барашки». Несмотря на вроде бы уже холода, одет в балахон с капюшоном и мешковатые джинсы, за спиной – мелкий рюкзак необычной формы. Вообще-то одежда для паркура меня не интересовала. В башке было пусто, Ганса захотелось выкинуть из окна, пусть разработает в полете новый, прикольный трюк. Мне было очень нужно посоветоваться с подругой.

– А мы хотели чаю попить, – вкрадчиво сказала Ксюха.

– Именно чаю, – восторженно воскликнул Гансочка, – я никогда не употребляю алкоголь.

Он прямо так и сказал: «Не употребляю алкоголь», клянусь.

Заварила чаю (Ганс выбрал зеленый, с лимоном, без сахара). Мы с Ксюхой освоили упаковку испанского белого вина, в основном под разговоры трейсера о себе:

– Паркур – это командная дисциплина, девчонки. Команда – это команда.

– А девушки у вас в команде есть? – подозрительно спросила Ксюха.

– Девушки в паркуре – вообще-то редкость, но всё же они есть. Большинство из них занимается паркуром типа как фитнесом, для поддержания формы или там фигуры. Но встретить настоящую девушку-трейсера практически невоз-

можно.

Ксюха успокоенно отхлебнула вина.

– Кстати, – заметила она, – лучше бы глинтвейн. Холодно сегодня.

– Сейчас идеальный образ человека, занимающегося паркур, – это Робин Гуд. Знакомы с Робинсом Гудом? – подозрительно оглядел нас Ганс, дождался испуганных кивков и продолжил: – Для него не существует границ, он свободен, но в то же время готов помочь всяким людям.

Он помолчал и покрутил в руках чашку, а потом уточнил:

– Бедным людям. И я такой, почти идеальный.

Обратила внимание, что почти идеальный имеет все-таки один видимый недостаток – шумно пьет. И говорит с печеньем во рту. Сыпались сдобные крошки.

Мы с подружкой вышли на кухню, она попросила блюдечко для пепла и закурила.

– Где ты нашла-то его, – тихо спросила я, – такого орла?

– Метро «Проспект Вернадского», – ответила Ксюха, с удовольствием затягиваясь, – они там тренируются с ребятами. Им хорошо, где мрамора нет и плитки – плохое покрытие для занятий...

– Ксюш, – сказала я еще тише, – а пусть он домой едет. Поговорить надо бы.

– Что-то случилось?

– Ага.

– Рассказывай.

– Прогони трейсера.

– Блин, ну что ты как дурочка! Куда я его прогоню! Какое домой, ты что! Он в Орехово-Зуево вообще живет. Жопа Подмосковья. Мы ко мне потом пойдем, ты что!

– Ты что, его уже у себя поселила? – прифигела я. – Ты совсем уже, да?

– Ничего не поселила, – с достоинством ответила Ксюша, – но если бы ты знала, какое у него тело!..

Советоваться мне расхотелось. Через полчаса они ушли, помахали рукой снизу, от подъезда...

...Вышла, прогулялась.

ж., 45 л.

Утром любого дня я почти счастлива. Даже в этой пустой квартире, слишком большой для меня одной. Это вечером я могу заливать слезами красное мягкое кресло со сложным названием, начинающимся со слова «релакс» затравленным зайцем бояться выйти из желтого торшерного круга и вслух обращаться к безнадежно молчащему телефону: позвони, это просто невозможно же, ну!..

А утром я не включаю свет, умываюсь в темной ванной, радостный плеск воды, зубная паста, шампунь и жидкое мыло пахнут ванилью, люблю этот запах. Варю кофе на чуть желтеющем огне самой мелкой конфорки, тень от джезвы странно содрогается на слабо освещенной эмалированной крышке плиты. Выжимаю в чашку с хризантемами – цветами августа – лимон. Включаю компьютер, набираю короткий пароль, читаю все эти бессмысленные сообщения о файлах, ожидающих записи на компакт-диск, об обновлении сигнатур вирусов, открываю почтовый ящик на Мейле, почтовый ящик на Яндексе, деловых сообщений пока не смотрю, имею право. Открываю письмо от сына, иногда два или три, запи- ваю слова моего мальчика кофе, быстро набираю первый от- вет ему на сегодня, обычно я еще пишу ему в обед и вече- ром, обязательно вечером.

Но тот день предполагался необычным: литературный ре-

дактор Смирнов праздновал выход своей второй книги. Название ее мне не запомнить никогда, то ли «Кровавый марсианский рассвет», то ли «Неожиданный закат Земли», нечто фантастическое, и я была звана к нему на дачу.

Собиралась неохотно, во-первых, надоели протокольные тусовки, во-вторых, не совсем понятна была форма одежды. Смирнов отказался отвечать на вопросы и однообразно повторял: сама приезжай, главное, сама приезжай. Если предположить, что все дамы соберутся в платьях-коктейль и с сумками-клатч, то мне надо вытаскивать из шкафа тоже что-то такое, на лямках и с кусками рваных кружев. Делать этого не хотелось, и я, напоминая себе восьмиклассницу, позвонила Эве, бывшей эстонке, тоже приглашенной – как художнице проекта.

Эва собиралась ехать в джинсах и майке, я порадовалась и быстро погладила кашарелевский топ с маленьким черным бантом. Джинсы гладить и не подумала, они от этого портятся. Поехала «за рулем», что давало возможность не торчать на празднике целый день, а спокойно отправиться домой – при первых признаках опьянения светского общества. Волосы подколола наверх, такой тугой пучок, скрепляется палочками.

Забрала Эву, действительно, в джинсах, действительно, в майке: темно-синяя, вышитая живыми растениями, с ручками-ножками и глазками, я какое-то время порассматривала ее, настроение заметно улучшилось, предстоящее меропри-

ятие перестало казаться бесконечным и тоскливым.

По пути захватили еще Маркелову, она-то как раз щеголяла в прозрачном платье и многократно обернутых вокруг крепкой шеи жемчугах. Выехали на Киевское шоссе, смирновский дом располагался в Черничных Полях. Маркелова с места начала рассказывать, что купила свое прозрачное платье в Сан-Мало, и что впервые пробовала там лягушачьи лапки.

– Совершенно обыкновенное белое мясо, – делилась Маркелова, – напоминает по вкусу кролика.

– Кролика непросто приготовить, – заметила Эва, поворачиваясь к ней с переднего сиденья, – правильно приготовленный, он не похож на курицу...

– Еще говорят, человечина напоминает курицу, – деловито продолжила Маркелова.

Так мы и ехали, а потом я зачем-то долго говорила о лягушачьих лапках, которые во Франции не являются деликатесом:

– Более того, их ненавидят всей душой. Французские солдаты насиловали все, что движется, и Наполеон, дабы не настраивать против себя покоренные земли, кормил свою армию этими самыми лапками. Они, знаете ли, обладают выраженным свойством снижения потенции. В Париже встретить лягушачьи лапки можно только в русских ресторанах и в паре ресторанов в центре, где работают русскоговорящие официанты...

Полный, радостно оживленный Смирнов встретил нас у новенькой чугунолитой калитки со странным контуром внутри, напоминающим свастику. Я промолчала, а активная Маркелова с недоумением показала на нее рукой.

– Это древний символ солнца, – обиженно и как-то привычно закричал Смирнов, – вы мне это прекратите!

Мы ему это прекратили и вошли на специально оборудованную площадку перед домом. Жена Смирнова хлопотливо бегала с маленькой желтой тряпкой в руках по летней кухне – строение в форме прямого угла, включающее в себя печь, мангал и массу прочих удобств. Красный облицовочный кирпич.

– Привет, – помахала она нам на бегу маленькой желтой тряпкой, – извините, девчонки, не успеваю, Смирнов меня сейчас удавит.

– Да ладно тебе, Ань, – сказали мы, – давай поможем.

– Нет, – испугалась она, – нет и нет! Тогда точно удавит! Идите вон, вино пейте. На столике сервировано...

– Я за рулем, – ответила я.

– А можно, я водки, – ответила Эва.

– А я шампанского бы, – ответила Маркелова, – только чтоб не кислятину.

И мы направились к столику. Был один из длинных дней середины августа, когда до обеда лето, а после обеда осень хорошо пахнет нагретой землей и солнце – самое нежное.

– Мы первые, как обычно, – недовольно бубнила Эва. –

Так и думала, приедем – и давай хлеб нарезать, колбасу в салат крошить...

– Не ворчи, – предложила я, – ты водки хотела? Анька говорит: сервировано...

Маркелова уже громыхала бутылками.

Внезапно налетел Смирнов, стукнувшись о мое плечо выставленной вперед упрямой кудрявой головой.

– Слушай, ты мужчинку здесь не видела?

– Я тут из людей видела только твою Аньку и вот Маркелову, – я показала ему копошащуюся Аньку все еще с желтой тряпкой и Маркелову – уже с бокалом вина.

– Я белого выпью, – деловито пояснила она через цветочную клумбу, – чтобы платье не залить.

– Где же он, где, – Смирнов буквально схватился руками за голову и принялся раскачивать ее вот так, вручную, слева направо, слева направо.

Через забор, красиво взмахнув длинными ногами, неожиданно перепрыгнул некто. Кажется, такая техника прыжков в высоту называлась на уроках физкультуры «ножницы».

– Привет, – бодро сказал некто, глядя на меня и не глядя на Смирнова, – наконец-то Вы.

– Привет, – сказала я.

Он протянул мне руку, я пожала, Он перевернул мою ладонь книзу, склонился и поцеловал. Моя бедная ладонь, шитая-перешитая, одиннадцать аккуратно выполненных профессионалом швов. Он ничего не спросил, просто поцеловал

дополнительно еще в несколько шрамов.

Такие старые, старые уловки, хотела подумать я, да не подумала. Сердце застучало в пять раз чаще положенного, сорвалось со своего места в середине грудины, чуть левее, поднялось по пищеводу и забилося в горле, умоляя о глотке воздуха, лишнем, немедленно. Я глубоко вздохнула. Без надобности поправила волосы.

Плечи его были широки, глаза неприятно светлы, волосы неприлично длинны, тревожными завитками падали на воротник футболки Пол Смит, ослепительно белой. Зубы его были крупны и как-то немного кривоваты, это добавляло его отлакированной красоте хулиганской дерзости, что-то такое от Гекльберри Финна. Слова его были насмешливы, тон бесцеремонен, губы сухие, не выношу влажных прикосновений, гадливо содрогаюсь, воображая их возможность. Содрогнулась и сейчас, хороший день середины августа вдруг показался плохим днем начала февраля. Застыла ледяной фигурой медведя, поедающего клубнику с дерева – символ Мадрида.

На десятилетие компании я имела глупость заказать несколько ледяных фигур, убедили опытные менеджеры фирмы – устроителя праздников, мне бы таких толковых рекламных агентов. Ассортимент фигур, пожелания по внешнему виду, размерам и прочие важные детали мы подробно оговаривали со скульптором-ледорезом. Дважды просмотрели цветной каталог с фотографиями его работ, я особо

настаивала на изготовлении изящной голубки, держащей в клюве оливковую ветвь, это показалось созвучным моей фамилии. Привезенные в день торжества ледяные фигуры более всего напоминали снеговиков, вылепленных второклассниками-имбецилами на большой перемене. Дифференцировать, кто из них голубка с ветвью, кто медведь, а кто – конь с крыльями, он же Пегас, было невозможно.

– Это хоть приблизительно что? – после затянувшейся паузы спросил мой заместитель.

– А ты как думаешишь?! – злобно прошипела я.

– Стопка книг? – осторожно предположил он, а я завывала, в бешенстве.

Выставлять на стол их было невозможно, скульптуры грустно истекали талой водой, отчего-то непрозрачной, во внутреннем дворике. Добрая Эва пожалела самую маленькую, самую уродливую фигурку, утащила в ресторанный гигантский холодильник.

– С Вами все в порядке, мадам? – довольно развязно осведомился неизвестный прыгун в высоту. Смотрел, бессовестно прищуривая непостижимые глаза, почти белые. Возраст его был ощутимо меньше моего собственного. Лет на пятнадцать.

Я быстро отошла, чтобы сейчас же не зарыться носом в его пижонскую футболку.

– А какое там, говоришь, у вас вино? – спросила я Аньку, стремительно перемешивающую что-то в деревянной боль-

шой миске.

– Отличное вино, – оживилась она, – испанское, нам Антоневици из Толедо привезли... Они там познакомились с какой-то местной семьей, так вот эта семья все свои поколения делала вино. И дедушка их делал вино. И прадедушка делал вино. И...

– А кто вот этот, этот кто? – оборвала я экскурс по генеалогическому древу семьи виноделов, чуть двигая подбородком, указала направление.

Анька посмотрела.

– Это мальчик один, из Питера, – объяснила она, – приехал вот. Газетчик. Журналист. Что-то такое, по вашей части, короче. Квартиру ищет. Вроде бы снял через агентство, заплатил за месяцы вперед, а там неприятности, оказывается, хозяйка вовсе ее не сдавала. Мошенники, понимаешь?

– Понимаю.

У Аньки в кармане свободных брюк спокойного цвета сливок взволнованно запел Фредди Меркьюри про велосипед. Она извинилась и ответила:

– Я слушаю. Да, голубушка, конечно, уже ждем. Ты мне форму везешь? С дыркой. Как не везешь? Мы же договаривались. Для яблочного пирога. Ты меня убиваешь! Убила ты меня сейчас!..

Анька убежала в сторону калитки со свастикой, наверное, спрашивать у местных жителей круглую форму.

Он подошел и молча протянул мне стакан простой цилинд-

дрической формы, с вином. Вино было очень хорошее, как будто во рту раздавили черную виноградину, сразу много. Гроздь.

– Красиво тут, – сказал он, – продуманно и без понтов. Но только вот я не совсем понял. Какое-то странное строение там, чуть сзади. Ни к чему оно совсем здесь.

– Это крольчатник, – сказала я, – папа Смирнова держал кроликов. Еще коз. Он любил животных. Но они как-то повздорили с сумасшедшим соседом. Тот поджег летнюю кухню. При пожаре пострадал курятник и загон для коз тоже. Крольчатник остался.

– К нам сегодня приходил, – медленно произнес Он, – пиронекро-зоофил. Обожженный труп зверюшки он с собой приносил... Еще вина?

– Да.

Разумеется, я знала, зачем мы пошли рассматривать крольчатник, уцелевший при пожаре. Тоже мне, настойчивые исследователи пепелищ. Дверь, заросшая мхом, лишайником, чем там еще, хвощом и плауном, нисколько не скрипела и гостеприимно отворилась. Чтобы войти, нужно было наклонять голову. Ему пришлось вообще согнуться пополам – разворот плеч, движение красивых рук, дорогостоящий Пол Смит натянулся на газетчицком торсе, разумеется, я знала.

– Уже пришли, – сказал он, – у пэ.

– Уже пришли, – смогла повторить я.

Сквозь прорехи в дощатые стены линейно просвечивало солнце, жужжали невидимые насекомые, пахло горячим деревом и кипящей водой, как в бане. На деревянном полу стояли какие-то пеньки, картонные коробки, из них выглядывали потертые плюшевые мордочки мягких игрушек, собачек, мишек и тигрят.

Он рывком поставил меня на пенек, я ткнулась носом в его прохладную щеку, очень гладкую, это было невыносимо, я закрыла глаза.

Собачки и мишки сочувственно подмигивали мне – тщательно пошитые, почти неотличимые от настоящих, они прекрасно понимали, что моя дорога, первым шагом по которой стало восхождение на пенек, – моя дорога в никуда.

м., 29 л.

Если все равно, куда идти, обязательно попадешь куда-нибудь. В Питере со мной было именно так. Когда я был совсем мелким, я обожал бродить по городу. Садился на трамвай – теперь в Питере трамваи повывелись, а тогда их было множество, – так вот: садился на трамвай (неприменно незнакомого маршрута) и ехал все равно куда. Вылезал, не доехав до кольца, и пересаживался на другой. Без копейки в кармане, зато вооруженный ученическим проездным билетом.

Метил территорию?

Надеялся заблудиться?

По целому ряду причин никто не держал меня дома. Я не стал бродяжкой просто потому, что мне надоел Питер. Я понял это уже классе в шестом, но тут – после стольких занятных предзнаменований – наступила половая зрелость, и мне пришлось переключиться на другие задачи.

Не вздыхай так, мой ангел-хранитель. Я знаю: ты постоянно пытался меня спасать. И в детстве, и тогда, ночью на Московском вокзале, в наши с тобой пятнадцать, но об этом я вспомню как-нибудь в другой раз.

А в этот раз я тоже шел, сам не зная куда, особенно после того, как в телефоне села батарейка, и я не мог позвонить Смирновым, даже если бы и хотел.

Я был зван на раут. Странное это было приглашение: то

ли для массовки, то ли как пугало в огород – так приглашают Никиту Джигурду на «Камеди-Клуб». Мы пересекались со Смирновым не так чтобы и часто, по редакционным делам, причем он считал меня маргиналом, а я его – бездарью. И то и другое было справедливо.

Конечно, я не читал его «Марсианский Залет», эм зэ, и не собирался. Ровно так же он не брал в руки богоспасаемый журнал «СМОГ», где я фрилансил и подбирал крошки со стола рекламного отдела. Несмотря на это, наше молчаливое мнение друг о друге оставалось в силе. А вот его жене я, кажется, нравился. Так бывало часто. Это перестало меня удивлять еще лет в девятнадцать.

Так или иначе, я шагал от электрички хрен знает куда, потея в своей парадной футболке под палящим солнцем, сторонясь пылящих машин, и рассчитывал только на удачу. Удача – и, конечно, ты, мой ангел-хранитель, – пусть и не сразу, а после второго или третьего круга по одинаковым поселковым улочкам, – но привели меня прямо к чугунной калитке со свастиками (я тут же вспомнил, как Смирнов грузил кому-то в телефон про древний арийский символ солнца).

Прислушавшись, я понял, что вечеринка уже в разгаре. Еще прислушавшись, убедился, что звонка никто не слышит. Прошелся вдоль забора, разбежался и прыгнул «ножницами», на лету успев подумать, что мог бы и не выеживаться и просто перелезть через арийскую калитку.

Но мы ведь не ищем простых путей, да, мой ангел?

В штанах что-то треснуло – и я приземлился. А приземлившись, тут же сделался объектом всеобщего внимания.

В сторонке я постарался не заметить Смирнова. Рядом стояли какие-то тетки, дорого одетые, с бокалами. Одна из них воззрилась на меня, как на марсианина, и отчего-то беспомощно оглянулась. В отличие от остальных гламурных дур, была она одета в обыкновенные джинсы (что мне сразу понравилось) и в винтажный топик с бантиком (что меня немного напрягло). В общем, она выглядела элегантно. Просто и роскошно. Присмотревшись, я заценил и еще кое-что. Ее возраст.

Чтобы не выдать разочарования, я счел нужным улыбнуться ей как можно шире. «Привет», – сказал я бодро. «А вот и я», – хотел я продолжить, но вышло почему-то «А вот и Вы». Так даже лучше, подумал я. Пусть мы будем знакомы.

Я протянул руку первым. Она откликнулась легким боязливым пожатием. И слегка переступила ногами в тесных джинсах. Я снова улыбнулся.

Что-то было не так с ее ладошкой. Я опустил глаза: поперек и вдоль кисти белели давно зажившие шрамики от порезов, а может, хирургические швы. На мгновение самая настоящая жалость кольнула меня в сердце. Почему-то вспомнилось детство (привычным усилием воли я поставил блок и больше об этом не думал). Я поцеловал ее руку и почувствовал, как дрожь пробежала по всему ее телу. А может, по моему, иначе как бы я это почувствовал?

Мамочка, едва не прошептал я.

Это было как электричество.

Нужно было срочно что-то сказать. Еле расцепив зубы, я спросил:

«Мадам, с вами все в порядке?»

Да. Привычные пошлые фразы – это тоже блок. Под пошлостью я понимаю здесь не то, что ты подумал, мой ревнивый ангел, а именно то, что когда-то и разумелось под этим – пустую банальность. «Мадам, уже песни пр-ропеты», – прокартавил в моем сознании р-романтичный Вертинский. И умолк.

А мадам даже не ответила. Просто кивнула и еще раз оглянулась беспомощно. А остальные заулыбались вполне дружелюбно. Даже Смирнов.

Пошлость – лучший друг Вечеринок На Дачах У Смирновых. Пошлость – универсальный язык, который сближает. Средний уровень любой вечеринки у любых Смирновых, проходи она хоть в Подмосковье, хоть на Кап-де-Фран, – это уровень наиболее тупого участника. Не бойся быть банальнее другого. Стань самым банальным – и никогда не ошибешься.

Мне кажется, мы безмолвно обменялись с нею этими мыслями. После чего убогая фраза про все-в-порядке была поставлена мне в зачет.

А потом все и вправду стало в порядке. Я смиренно выслушал первые тосты – за Смирнова и за творчество, потом

опять за Смирнова и за всех присутствующих здесь творческих смирновских друзей. «Смирновской», кстати, на столе не водилось, а было скверное домашнее вино, из гибридного винограда наподобие Изабеллы, которое страшно понравилось всем теткам. Даже той, в джинсах и топике. В ее глазах, впрочем, плескалась неотчетливая грусть – я уже знал, что она приехала сюда в формате «за рулем», а стало быть – ненадолго. И я догадывался, что муж не ждет ее дома. И знал даже, что...

Что грусть в ее глазах – всего лишь мечта о несбывшемся, как у героев Грина (или что они там изучали в советской школе). Об алых парусах на горизонте. Вряд ли в те времена девочки рисовали в альбомчиках яхту Абрамовича.

Ну и опять же это вино. Ассоль плюс Изабелла. Адская смесь.

Почему бы и нет, подумал я.

«Может, исчезнем вместе?» – спросил я ее беззвучно. В моей руке темнел стакан этой испанской изабеллы, больше похожей на бычью кровь. Словно причастие антихриста.

«С тобой – куда угодно», – отвечала она мне тоже беззвучно. Или даже не так, мой грустный ангел. Она подумала иначе. «С тобой, милый мальчик в футболке от Пола Смита», – подумала она.

Тем временем мой язык независимо и автономно выдавал очередную порцию пошлой банальщины. Да, я помню: это был стишок про некропедозоофила:

Мертвых маленьких зверушек
Он с собою приносил.

Самое занятное: она потом несколько раз напоминала мне этот стишок (скисая от смеха), но и разу не вспомнила правильно. Как я понимаю, и эта плоская шутка юмора пошла мне в зачет.

Я получил допуск. Помнишь, мой ангел, нашего препода по литературоведению на втором курсе? Да, Агнессу Львовну. Не красней так, хранитель. Тогда я тоже получил допуск. Неограниченный. До четвертого курса включительно. А потом ее муж застукал нас в электричке, когда мы ехали к ней на дачу. За очередным зачетом.

Но я отвлекся.

Потом у нас был крольчатник. Ее фигура на пеньке. Руки, обвившие мою шею. Запах неизвестного мне парфюма, с мускусом и ванилью. Недопитое вино.

Сбрасывая свой нелепый топик с бантом, – нет, не сбросив, а лишь сбрасывая, – она на миг превратилась в девчонку, какой была когда-то, когда я и мечтать еще не мог ни о чем подобном.

Это и был момент истины. Всего лишь мимолетный жест, небрежно откинутый локон. Чуть припухшие губы.

Я знал, что это – всего лишь иллюзия, но до чего же она мне нравилась!

Солнечные лучи пронизывали этот гребаный сарай, и пахло в нем разогретой травой и псиной, и ее руки знали, что делать. А я – слышишь, мой ангел? – я не делал почти ничего. Я снова чувствовал себя подростком, скучающим по ласке, и не она (на своем пеньке), а я был на седьмом небе от счастья.

Давай в качестве оправдания распечатаем стенограмму событий.

«Мой мальчик», – шептала она все так же беззвучно.

«Погоди. Я сам».

«Не хочу ждать. Слишком долго».

«Что слишком?»

«Слишком долго ждала».

«Это кельвин кляйн».

«Ничего себе кляйн!.. Это самый классный кельвин кляйн, которого я...»

«Подожди же. Неудобно на этом пеньке. Держись за меня».

«Ты такой длинный... и он такой дл...»

«Теперь я не хочу ждать. Снимай это к черту... слышишь, к черту...»

«Если войдет кто-нибудь?»

«Смирнов? Пусть пойдет нах и там погибнет...»

«Вот на этот... да... какой же он... кельвин кляйн... надо же».

«Нет. Не так. Развернись. Какой чудесный пень... джинсы

к черту...»

«Ах-х».

«Ты такая кл... классная».

«Говори что-нибудь».

«Нет. Тихо. Молча. Сильно».

«Ах-х».

То, что я сейчас скажу, будет пошло и банально, мой при-
молкший ангел. Но, возможно, ты этого не знаешь. За две
секунды перед тем, как я в нее кончил, я думал вовсе не о
ней.

ж., 19 л.

Ксюха умотала с сумасшедшим трейсером, а я вернулась к тебе, дорогой дневничок, тебе и скажу про пиздец года.

Сегодня точно выяснила, потратив кучу денег на беременские тесты. Да, да, да! Я залетела, везде долбаные две полоски, большинство синих, но есть и розовые. Первый дурацкий тест я вообще сделала в кабинке общественного туалета, в переходе на Охотном Ряду, сгорбившись над унитазом. Отчего мир так несправедлив, как дразнит меня Любимый, если я говорю что-нибудь такое: опять я? а почему мне? и почему только у меня? Когда уже прошло три минуты, и в контрольном окошечке нарисовалась бл-дская полоска, захотела заорать там, в этом засранном туалете: почему я?!

Но я такая дура, дорогой молескин, такая дура, я решила, что тест может ошибаться. И прямиком из туалета я потащила в аптеку, где порадовала жирную провизоршу покупкой еще десяти штук разных тестов на беременность. Может быть, она подумала, что беру в подарок всем подругам на Новый год, не знаю.

Не совсем понятно, на что я надеялась, конечно. Что теперь делать-то? Жалко, с Ксюхой не удалось поговорить. Она пусть и поселила у себя брата-акробата, но классно соображает и вообще – умнее меня.

– Что у вас с лицом?

– А что у меня с лицом.

– Ничего.

– Зачем тогда спрашиваешь? И еще таким идиотским голосом. Я думала, прыщ или зубная паста на ухе.

– Прыщ уже был вчера. И это не идиотский голос. Это фраза из кинофильма «Место встречи изменить нельзя». Ее принято распознавать как цитату и реагировать адекватно.

– Например, как?

– Стоит ли об этом.

– Считаешь меня девочкой-дауном.

– Как можно, любовь моя, кстати, что за милая дама тебя подвозила?

– Арина это, я тебе говорила.

– Ага, Арина. Которая студентка МГУ. Помню, как же.

– Хочешь познакомиться?

– Упаси боже.

– Что это ты так испугался? Шарахаешься от моих подруг, как от вампиров. В прошлый раз с Ксюхой отказался идти совместно в клуб. Когда эти приезжали, англичане. Известные такие, кто? Я забыла...

– Битлз?

– Очень смешно.

– Да, и мне так показалось...

Вышла на улицу, прошла по Стромынке, свернула в Песчаный, Сокольники выглядели устрашающе, было холодно, а уж темно в ноябре всегда. Ответила на звонок, ну надо же, целый отец решил поинтересоваться, как у меня дела. Рывкнула что-то в трубку, вот уж с кем не собираюсь разговаривать. Если бы не та долбаная история тогда, ничего бы не случилось с бабушкой. Глядишь, я даже ЕГЭ бы сдала. Получила бы аттестат, и не хуже звездной Арины училась в МГУ. Ну не прям в МГУ, конечно, но тоже где-то. Моя учительница по специальности в музыкальной школе чуть не плакала и уговаривала меня стать классическим исполнителем, а где сейчас я и где фортепиано? Консерватория, Гнесинское училище, Училище циркового и эстрадного искусства – ага, ага, ждут меня и ставят прогулы. Да я за инструмент лет пять не садилась. Ну не пять, конечно. Но три года – абсолютно точно.

Ладно, сейчас вообще хотела не об этом. Одиннадцатый класс я заканчивала, собиралась утром в понедельник пойти с девчонками заплести африканские косички, так как необходимую для этого сумму удалось накопить. Даже надела джинсы и завязывала шнурки кроссовок, но уйти далеко не удалось. Позвонили по телефону и сказали, что мой отец (а бабушкин сын) задержан и находится под стражей. Ему предъявили обвинение в изнасиловании несовершеннолетней Петруновой, учащейся девятого класса. Несовершеннолетняя Петрунова, видела я ее потом, жирная кудрявая ко-

рова, находилась дома одна, когда мой отец, как экспедитор торговой компании, привез заказанную мебель. Тут-то все и произошло, визжала Петрунова, вот здесь-то он мной и овладел, прямо на картонных упаковках.

Скандал был лютый, мамаша этой Петруновой ловко выбила нам два окна и кричала в оконные прорехи, что прокликает нашу семью и ночью подожжет дом. Соседи пригрозили ей участковым, а она быстро разъяснила, кто именно здесь нуждается в участковом. Бабушка тогда страшно побледнела и закрылась в своей комнате, больше я ее не видела. Живой не видела.

Ужасно все произошло, конечно, с этой ее смертью, целых три года прошло почти, а я все нормально ни с кем про это не могу поговорить. Хотя с кем?

Мама с девяти утра до семи вечера общается с бутылкой водки, с семи вечера до девяти утра спит, иногда спит до восьми утра и час блюет в туалете. Фортепиано мое продала задешево. Ноты разорвала и выкурила, ха-ха. А то куда же. Сдала в макулатуру?

Сестра не хочет ничего общего иметь ни с маменькой, ни с прошлым семьи вообще, и все мои попытки пресекала, не знаю.

Когда-то еще до событий разговаривали с Любимым, он тогда вернулся с похорон своего одноклассника или однокурсника и был потрясен. Прямо повторял сто тысяч раз, что чуть не впервые видел покойника, и даже спросил, а как у

меня с этим. Ну, типа, хоронила ли я кого-нибудь из близких и все такое. И я ответила, что не только хоронила, а и даже обнаружила свою бабушку мертвой.

Он сказал, ну, типа, бабушкам положено умирать, какую-то такую глупость. И я замолчала, не стала договаривать, что не просто обнаружила свою бабушку мертвой, а вытащила ее из петли, потому что она повесилась в чулане для всякого барахла. Барахла там всякого и сейчас осталось, на-верное.

А отец ничего, в этот же день вышел. Получилось так, что несовершеннолетнюю Петрунову никто не насиловал. Она сама трахнула своего одноклассника со сложной фамилией типа Тимбукмамбетов, а потом испугалась родительского гнева.

ж., 45 л.

Дорога в никуда, тем не менее, бывает очень увлекательной, такой прекрасной, и ты идешь, аккуратно ступая босыми ногами в свежем педикюре, лак оттенка «черная вишня» от Шанель, придерживая темно-темно-красный подол шелковой юбки.

– *Что ты думаешь обо мне, скажи только честно? Что я педофилка и извращенка-неудачница?*

– *Педофилы увлекаются детьми.*

– *А ты мне вполне годишься именно в дети.*

– *Да что вы говорите, мама!*

– *Да. Я переживаю!*

– *Любовь моя! Ну что за чушь ты несешь. Черти какие-то. Младенцы. Извращенцы.*

– *Извращенцы-неудачники.*

– *Да, извини: извращенцы-неудачники.*

– *Что ты про меня думаешь?*

– *Ты такая горячая там, внутри. Самая горячая. Самая страстная.*

– *Самая старая.*

– *Ползи сюда.*

По дороге в никуда еще можно ползти, оказывается. Меня

переполняли страсть, восхищение, возбуждение, страх, любовь, волнение и слезы, всегда слезы. Не зная, как правильно поступить со всем этим, я придумала, казалось бы, чудную игру, занимавшую меня.

О, это действительно оказалась – чудная игра!

Со своего настоящего почтового ящика я отправляла Ему письма. Вот, примерно, такие, полные восхищения и любви:

«Когда я думаю о тебе, мои часы идут в обратную сторону, мобильный телефон заряжается от солнечного света, чай „английский завтрак“ собирается в красивые глянцевые листья, листья сплетаются в венок, а кофе имеет вкус виски просто так, без виски.

Тарелки цепляются за ручки чашек, приглашаются серебряные ложки, и они кружат по столу, танцуя венгерский танец чардаш, приятно позвякивают и никогда не бьются, когда я думаю о тебе.

Когда я думаю о тебе, мои волосы вырастают до пояса, заплетаются в пятьдесят пять косичек, украшаются цветными бусинами, колокольчиками и розовыми жемчужинами, а на бедре и предплечье рисуются татуировки в виде змей, лестниц и неправильных пентаграмм.

На небе выстраиваются в ряд Большая Медведица, Малая Медведица, Южный Крест и Полярная Звезда, а вокруг них, нарезая космические тьмы на хорошенькие треугольнички, снует полная луна, сияя и поворачиваясь обратной стороной тоже, когда я думаю о тебе. В голове моей легко сочиняет-

ся Первый концерт Чайковского, Полет Валькирий, Песня Сольвейг и Богемская рапсодия, я радуюсь своей неожиданной даровитости, широко улыбаюсь, прижимаю пальцы к губам, отправляю в путь воздушный поцелуй, что-то приятно холодит горящее лицо, отвожу руку, рассматриваю удивленно, это же часы – они идут в обратную сторону, отсчитывая бесконечности, когда я думаю о тебе».

А еще я завела альтернативный почтовый ящик. На ином почтовом сервере. И отправляла Ему оттуда другие письма. Анонимно. Точнее, от Гвендолен. Вот, примерно такие, полные оставшихся не востребованными страсти, возбуждения, волнения и страха:

«Утром после душа поленилась одеваться – так и хожу в черных трусах с диковатым зайчиком в центре и короткой майке на бретелях, на майке написано: *Hi! Hi!* – и так раз двести или пятьсот, но майка маленькая, может, и меньше. Странное выдалось утро, очень странное, плюс я ночью еще покусала себе все губы, сублимируя, конечно же, секс, и сейчас они выглядят странно вспухшим непонятно чем. Взяла с собой в ванную журнал „Максим“, обожаю читать, в основном рассматривать фотографии, там такие красотки, правда же, ну... сняла майку, от возбуждения у меня грудь увеличивается в размерах, это факт, обусловленный гормональным, наверное, уровнем. Я себе скорее понравилась в зеркале: красный воспаленный рот, волосы дыбом и т. п. (сос-

ки торчат), почему ты не можешь относиться к сексу проще, спросила я себя и села на пол. Пол плиточный и теплый, было приятно, я подумала о тебе и прислонилась лбом к зеркальному шкафу, главное – удачно выбрать сценарий фантазии, тогда оргазм всегда бывает не единичный, а – волнами, волнами. Откуда это берется, какая химия заставляет мои губы расплющиваться по лицу, ведь я даже не знаю, читал ли ты „Беги, кролик, беги“, а одно время я считала это своей главной книгой, и еще „Лила, Лила“. Плевать на Апдайка и Сутера, я дышу так громко, что включаю воду, пусть плещется, заглушает. Вот это твоя рука, и вот это твоя рука, и закрыть глаза, и облизать палец, это твой палец...»

Гвендолен высокая, рыжеловолосая, с темно-зелеными глазами, каких не бывает, и тяжелой грудью. Ее ногти идеальной формы, брови ровными дугами взлетают к вискам, кожа нежная, как вываренный шелк, а ресницы длинные, будто наклеенные. Она говорит красивым низковатым голосом, редко смеется, обнажая ровные белые зубы, и пьет ромашковый чай с медом и виски безо всякого льда.

Сначала он не реагировал на анонимные послания. Потом уже более заинтересованно спрашивал, кто же эта незнакомка с бурной эротической фантазией и необычным именем. Незнакомка с необычным именем на вопросы конкретно не отвечала, но продолжала эпистолярно резвиться. И в те дни, когда я утром отправляла «письма счастья», он был особен-

но настроен на секс. Честно говоря, только в эти дни и бывал настроен.

– *Просто сумасшедший дом какой-то. Целое утро убил на этого осла из редакции. Тупое чмо...*

– *Я поняла.*

– *Нет, ты не поняла! Что я, по-твоему, железный? Меня ебут, а я крепчаю?!*

– *Нет, конечно. Ты не железный.*

– *Спасибо за понимание...*

– *Хочешь чаю? Чай-то не помешает нежелезному тебе?*

– *Хорош издеваться. Чаю буду, да. Лапсанг там возьми.*

– *Твой лапсанг пахнет мокрой псиной.*

– *Это самый дорогой сорт.*

– *И что, самый дорогой сорт не может пахнуть мокрой псиной?*

– *Однозначно не может.*

Сегодня он не получал письма от Гвендолен. Иду на кухню, включаю чайник, он резко начинает шуметь, как будто пытается взлететь и залить кипятком вылизанную дорогостоящей Тамарой Петровной кухню. Ну, точнее, кухонный закуток, отделенный от общего пространства барной стойкой, я пытаюсь вспомнить, во сколько мне обошлось все это роскошество, и стоило ли так тратиться на съемную квартиру.

Глажу рукой каменную столешницу. Немного приседаю, наклоняюсь, прижимаюсь пылающей щекой. Отличный, должно быть, у меня вид – старая идиотка, ласкающая рабочий стол, прелестно. Какая-то синяя гадость торчит, застряла между дверцами, скрывающими мусорное ведро, проезжаю щекой – шшшшшшш – по гладкой поверхности, останавливаюсь около. Приоткрываю буковую дверцу и ловлю в ладонь смятый отвратительный пакет от чипсов. От чипсов? Он не ест чипсов. Никогда не ест чипсов. Никогда не ест картофеля даже. Перекормили в детстве, – отвечает, ухмыляясь, но я-то знаю – бережет тренированный холеный торс, не имеющий права выглядеть неэстетично жирным.

– *Что это?*

– *Дорогая. Ты огорчаешь меня. Присмотрись, пожалуйста, получше.*

– *Я прекрасно вижу, что это такое! Не делай из меня идиотку! Я спрашиваю, ЧТО эта мерзость делает в твоей кухне!*

– *Ах, вот что ты спрашиваешь.*

– *Да!*

– *А то я не понял. Думал – не разглядела. Зрение, думаю, падает. С годами-то...*

– *Оставь свое хамство! Ответа не слышу.*

– *А я молчу потому что.*

– *Откуда здесь эта дрянь?!*

– Господи, ну мало ли. Тамара Петровна, что, уже не имеет права перекусить в разгар трудового дня? Передохнуть пять минут без «Доместоса» с хлором?

– Не может! У Тамары Петровны хронический панкреатит и язва кишечника! Она кефир однопроцентный кушает! И йогурт с ванильными сухариками!

– Это я съел. Прости. Не хотел сознаваться.

– Прекрати! Ты ненавидишь чипсы! Какие проститутки жрали это говно?!

– О. Можно, я пойду прогуляюсь? Что-то башка трещит, сил нет. Ты здесь пока полежи, отдохни. Что-то ты прямо нехороша сегодня.

И он, натурально, встает, натягивает свои белые джинсы, пару из двух дюжин, заветная мечта голодного детства – белые штаны и Рио-де-Жанейро, и преспокойно выходит из квартиры, не слушая моих истерических воплей. Щелчок. Дверь закрылась. Классически – шаги на лестнице. Я валюсь неоформленной грудой в кровать, подушки с тремя полосочками, *Pratesi*, бессильно реву, достаточно долго. Не буду его дожидаться. Поеду домой, не включая света, усядусь в красное кресло со сложным названием, начинающимся со слова «релакс», и позвоню Эве, бывшей эстонке.

– У Него кто-то есть, – снова провою жалко в трубку.

– Еду, – ответит отзывчивая Эва, – коньяк взять?

– Не надо, – проплачу в ответ, – у меня имеется...

Пока она добирается из своего Бирюлево, включу компьютер. Сяду за стол, хороший письменный стол из березы, положу на него сначала руки, левую с одиннадцатью шрамами, правую простую, на них сверху – лоб, занавешусь жестковатыми от краски волосами и повою немного еще. Закурю сигарету, красный «Давидофф». Через время, потребное для полной компьютерной загрузки, открою почту на Яндексе и настучу письмо от Гвендолен.

Гвендолен пишет, ловко ударяя по клавиатуре длинными пальцами в серебряных массивных кольцах:

«Можно встать так перед зеркалом. Я, допустим, впереди, а ты сзади, чтобы, во-первых, дышать обещано в затылок виски, а во-вторых, я же много меньше ростом, ну. Можно так стоять какое-то время и читать по строчке стихов известных поэтов. Отдать тебе любовь? – отдай! она в грязи! – отдай в грязи! я погадать хочу – гадай! еще хочу спросить, – спроси! допустим, постучусь, – впусти! допустим, позову, – пойду! Потом аккуратно начать снятие одежд, наблюдаемое в зеркале, оно затянется ровно на количество этих самых одежд, нет, торопиться не надо. А если там беда? – в беду! а если обману – прощу! а если будет боль? – стерплю, а если вдруг стена? – снесу, а если узел – разрублю. И можно в конце добраться до черного белья с кружевами, оно сегодня такое, и положить руки мне на грудь, такую на вид грудь принято называть налитая, так вот на нее руки, да, кладем. Смотрим. Не надо спешить. А если сто узлов? – и сто! лю-

бовь тебе отдать? – любовь! не будет этого! – за что? – за то, что не люблю рабов. – Идиотский финал у стиха, правда?»

Меня несколько не смущает, откуда Гвендолен так глубоко знакома с творчеством Роберта Рождественского. Еще сигарету.

м., 29 л.

Дверь захлопнулась с грохотом, как крышка люка бронетранспортера, и больше я не слышал ее голоса. Ну или почти не слышал. Из-за железной двери доносилось лишь какое-то кваканье. Я скрипнул зубами. Р-р-развернулся. Сплюнул. И пошел вниз пешком, ускоряя шаг, как шлюха из советской песни – по улице Пикадилли:

Когда вы мне засадили,
Я делала все не так.

Вот бл-дь, думал я безадресно. Опять все не так. Вот сука. И еще эта мелкая со своими гребаными чипсами.

Так подставить. Так подставить.

Через три или четыре лестничных пролета я уже мог рассуждать холоднее. Я уже видел себя со стороны. Зрелище было довольно неприглядным.

Красавец в белых штанах. Альфа-самец со смятой упаковкой гондонов, забытых в кармане. В котором, если честно, больше ни хрена и нету, кроме этих гондонов. А конкретнее – ни копейки.

Вот с-сука, – повторил я сквозь зубы. Из тебя такой же альфа-самец, как из нашей Мамочки – балерина Майя Плисецкая.

Тут я нецензурно переделал фамилию балерины. Невесело усмехнулся.

Пнул ногой дверь и вышел на улицу.

На улице было душно и влажно. Ветер раскручивал вихри из опавших листьев. С проспекта долетал непрерывный гул и шуршание шин. Это был знакомый московский ад, легкомысленный ад-*light*, который достается еще при жизни тем, кто грешит по-мелкому и по-глупому. Вроде меня.

Ад, по которому можно более или менее свободно разгуливать в белых штанах. Но, увы, не Рио-де-Жанейро.

Я мог предположить, что сейчас она смотрит в окно. И думает: не набрать ли его – то есть мой – номер? А еще думает: быть может, он – то есть я – вот сейчас достанет из кармана широких штанин свой телефон и позвонит сам?

Ни в коем случае не оглядываться.

Ни в коем случае не доставать телефон.

Чувствовал ли я себя правым или виноватым? Да ни черта подобного. Чувствовал только лишь неисправимую глупость всего происходящего.

Даже скулы сводило от омерзения.

Надо же – сбежал, хлопнув дверью! Как мальчишка, которому не дали денег на кино. Или на девчонок. Или на чипсы «Эстрелла» в кино с девчонками.

Что поделать? Я именно такой и есть. С альфа-самцом меня роднят только первые четыре буквы. А-л-ь-ф-онс, вот так. Котик на содержании.

В данный момент без гроша в кармане. В меркантильном московском аду.

Что же было мне делать, мой печальный ангел-хранитель? Пойти и удавиться? Убить себя об стену?

Или... все же позвонить ей?

«Не знаешь, что делать, – не делай ничего», – гласит известное правило летчиков. Кажется, его сформулировал Сент-Экзюпери. Ему самому оно помогло лишь частично. Его неизвестность оказалась слишком глубокой, чтобы из нее вынырнуть.

Так или иначе, шагов через сто (в белых штанах, по сырому Кутузовскому) правило сработало.

У меня зазвонил телефон. Энергично, по-рабочему, особым (рабочим) рингтоном – старый калифорнийский панк от *Offspring*:

My friend's got a girlfriend and he hates that bitch...

– Алло, – сказал я. – Да, привет, Василий. Я уж и не ждал. Бодрый перец в трубке только рассмеялся:

– Все ОК, дружище! Ты не поверишь, но для тебя есть новости. Конвертируемые, в конверте, вот именно... немного тоньше, чем ожидалось... в общем, не по телефону. Бери такси – и к нам, на Никитскую. Я тебя там встречу. Ты это... извини за прошлый раз. Ничего личного. Ты же понимаешь.

«Придется объясняться с таксистом, – подумал я. – Ну да

ничего. Подождет у кафе».

Подумав так, я беззаботно улыбнулся.

Все это – херня. Альфа-самцу в белых брюках легко дают в кредит.

Спасибо Сент-Экзюпери. Маленький принц уже вырос и теперь имеет полное право поиметь целую планету.

ж., 19 л.

Гоооосподи, я и не представляла, что быть беременной – это такой ужас!

Во-первых, дорогой молескин, я и пяти минут не могу прожить, чтобы не смотаться в уборную, и называй меня, пожалуйста, теперь – туалетный утенок. Активный. Во-вторых, полчаса назад я блевала, дальше чем видела, удобно устроившись за круглой тумбой афиши. Почувствовала неладное я еще только усаживаясь в автобус. Как-то мне пахло все плохо, и было жарко, и дышать приходилось чуть не насильно. Ну и вот. Уже через пять минут (полет не нормальный) пришлось, расталкивая уважаемых пассажиров, мчать к выходу, что-то выразительно мыча на ходу. Это что же, мой дорогой дружок, мне теперь можно только пешком, что ли, ходить? Далеко же я уйду!..

– Тебе бабушка какая-то старенькая звонила. Пока ты спал. Сказала, что какие-то лекарства получила.

– Я, кажется, просил никогда не брать мой телефон.

– Ну а что я поделаю, бл-дь?.. Он звонил, как подрезанный. Я и сказала-то только «алло, он спит...». А она про таблетки.

– Спасибо, любовь моя.

– А что за бабушка? Твоя мама, да?

– Безусловно, дорогая, как ты догадлива. Конечно, это моя мама. Особенно если учесть, что будучи в августе в Питере, мы с тобой навещали ее могилу.

– Ой, я забыла. Прости.

– Да о чем ты? Твоя милая непосредственность с каждым днем все милее и непосредственнее...

– Так кто звонил-то? Блин, трудно сказать, да?

– Полагаю, это моя тетка.

– Тетка? Что значит – тетка?

– Ну, я не знаю. Загляни в толковый словарь.

Сейчас только мимо пронеслась Барыня, прошипев сквозь зубы, что опаздывать на десять минут не позволительно никому, а особенно – мне, техническому персоналу.

Техническому персоналу, прикинь, да?!

Барыня явно задыхалась в новом костюме, разумеется, темно-зеленом, она других цветов просто не знает, ну разве что черный еще, так вот, костюмчик был ей мал размера на четыре. Крашенные волосы она закрутила какой-то фигой на затылке, а левый глаз накрасила ярче, чем правый. Постоянно одергивала тесный пиджак, удивляюсь, как он вообще не треснул и не разошелся по шву, а ноги на своих каблуках-ходулях она ставит как жирафиха-инвалид.

Иногда она меня поражает чем-то таким, не знаю, как правильно сказать. Вот говорят, что нельзя объять необъятное, а она может, думаю.

Недавно болтала с Танькой, рекламной менеджерицей, рассказывала ей прошлогоднюю историю с выносом мусора. Как-то я ходила выкидывать мусор, ненавижу выкидывать мусор, было темно. Поздняя осень, по-моему, что-то такое, ненастное и капюшон на голове. Подпрыгнула и забросила мешок в мусорный бак. Развернулась, чтобы отойти, и уткнулась головой прямо в грудь какого-то человека. Это был восточной внешности мужчина, наверное, красивый, часом позже выяснилось, что турок. Он ужасно плохо говорил по-русски, но мне даже понравилось, «маленький книг» – называл блокнот, например. Прикольно, правда, дорогой дневничок?

И вот он буквально восклицает: кофе. Сварю тебе кофе, у меня дома есть такой казан с раскаленным песком, только в ней я варю кофе, настоящий.

На самом деле – большой медный таз, на дне песок. Чуть розоватый почему-то. И он поставил таз на огонь и включил самую большую конфорку, турки оказались маленькие, очень маленькие, тоже медные, с длинными удобными ручками. Еще такая деревянная лопаточка для перемешивания песка, мне очень хотелось ею пошуровать там, в тазу, и построить куличик, не решилась.

Носился с этим кофе, все по правилам. Да, очень вкусно, сахара к нему не полагалось. Только холодная вода, но я выпросила кусочек. Выдал коричневый тростниковый. Не могу без сахара.

Вот, и мы выпили этот кофе, и холодную даже воду выпили, и он говорит: понимаешь, я человек глубоко религиозный. Я вот так просто не могу тебя любить. Я должен прочитать специальную молитву, чтобы ты сделалась моей временной женой. А уж потом все остальное.

Да пожалуйста, отвечаю удивленно, читай свою молитву. Он вышел в другую комнату, что-то там бормотал минут пять, вернулся очень довольный, все в порядке, говорит. Теперь Аллах в курсе всех моих дел и не возражает.

Да, а потом – мы уже из квартиры вышли, уже и лифт вызвали, он спохватился, схватил меня за руку, просто как в тисках сжал. Его смуглые пальцы на моем бледном запястье. Быстрее, говорит, быстрее, я должен кое-что сказать в присутствии свидетелей. И я понимаю, что это ему очень важно. Нашли какого-то бомжа в подворотне. Турок буквально расцвел, облегченно прикрыл глаза и пробормотал какое-то слово, три раза повторил. Это, объясняет, я дал тебе, как временной жене, развод.

Танька, понятное дело, интересуется: какое-такое слово? Я не помню этого слова, говорю. Довольно короткое. Тут выходит Барыня и произносит громко: «Талак. Талак. Талак». Все знает, говорю же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.